шении указания на декабрьское восстание. Из двух тем, обозначенных последними словами плана («любовь» — «родина»), оставлена только первая. Что связывало эти темы в первоначальном замысле?

Чтобы понять эту связь, необходимо присмотреться к характерному для пушкинского творчества этих лет герою, который в плане «Записок молодого человека» получил обозначение «джентльмен». В конце 1820-х годов основным героем Пушкина становится потомок старинного боярского рода, чью родословную, сходную с его собственной, Пушкин сам назвал «Родословная моего героя». Конечно, она далеко не всегда дается в столь развернутом виде, но указания на отдельные моменты этой типичной истории старых дворянских родов можно обнаружить почти во всех повествовательных произведениях Пушкина, как завершенных, так и неоконченных. Об этом же говорится в многочисленных исторических и публицистических набросках.

В «Родословной моего героя» (отрывок начатого романа в стихах «Езерский») суть описанного в ней процесса выражена формулой: «Из бар мы лезем в tiers-état». В «Моей родословной» Пушкин писал о себе:

> Бояр старинных я потомок:
> Я мещанин, я мещанин!

Пушкин неоднократно писал (хотя большую часть этих высказываний не публиковал), что в России наследственная аристократия не смогла в борьбе с царской властью отстоять свои права и была оттеснена аристократией чина, полностью зависящей от царя и именно поэтому ставшей опорой деспотизма. Потомки бояр, потерявшие политическое значение и ушедшие в частную жизнь, быстро беднеют из-за дробления имений, но сохраняют унаследованный дух чести и независимости, делающий русское «среднее состояние» (так Пушкин обычно переводил термин tiers-état) стихией мятежей, более грозной, чем европейское третье сословие.

После «кризиса 1823 года» Пушкин, утративший веру как в «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», так и в заговоры и тайные общества, надежду на преобразование России и уничтожение крепостнически-самодержавного строя возлагает на возникающее «среднее состояние», которое образуют такие же «дворяне во мещанстве» или «могучих предков правнуки бедные», каковым он признавал самого себя. Уже в 1825 г. в «Борисе Годунове» «род Пушкиных мятежный» изображен как основная сила, свергающая царя. Но здесь речь идет о «могучих предках». В николаевскую эпоху внимание Пушкина направлено на их «бедных правнуков», отнюдь не могучих, но зато весьма многочисленных — «каких встречаем всюду тьму». В декабрьском восстании он видит первое выступление этого нарождающегося класса, предвещающее более мощные проявления («Кто был на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много»). Однако самому формированию русского tiers-état он придает больше значения, чем тем или иным его прямым выступлениям.

Один из характерных моментов превращения старого дворянства в «третье состояние» Пушкин видит в «мезальянсе» — любви «джентльмена» из древнего боярского рода и девушки более скромного происхождения и общественного положения, например дочери станционного смотрителя или капитанской дочки, чей отец выслужился из рядовых (подробнее об этом — в нашей статье [8, с. 222—225]). Ряд сообщений как о предках героя «Капитанской дочки», так и о его потомках («село, принадлежащее десятерым помещикам») демонстрирует сходство в основных чертах истории рода Гриневых с «Родословной моего героя». Женитьба героя повести в каком-то смысле повторяет женитьбу его отца на дочери бедного дворянина, причем можно обнаружить намеки на то, что в этой женитьбе проявились оппозиционные настроения по отношению к петербургскому двору и новой аристократии (подобно деду Пушкина, Гринев-отец связан с